

ТАСС

Афиша фильма «Начальник Чукотки» на XVI фестивале «Виват кино России»

«Республика ШКИД», 1966

шом городке // Пела песню актриса // На чужом языке. // «Сказку Венского леса» // Я услышал в кино. // Это было недавно, // Это было давно.

Главное — в следующем куплете. «Разве мог я подумать, // Мог поверить тогда // В то, что с юностью нашей // Расстаюсь навсегда? // Но остался надолго // Этот вальс из кино. // Это было недавно, // Это было давно».

Едва ли не лучшая песня гениального дуэта Блантер—Матусовский вырывается за пределы фильма. Она вовсе не о его героях, распрощавшихся с юностью на войне. Она о самом «Ленфильме», его философии, его стиле, его роке. О чем бы ни шла речь в фильмах «Ленинградской школы», речь в них шла всегда об одном. О «долгой, счастливой жизни» (как назывался единственный фильм Геннадия Шпаликова,

поставленный им как раз на «Ленфильме», которой не будет никогда. О времени жизни — и героев, и авторов, и зрителей, — ускользающем, как песок через пальцы.

В том же 1965-м, что и «Друзья и годы», на экран вышел «Рабочий поселок» Владимира Венгерова о слепом фронтовике (Олег Борисов), сжигающем себя водкой в рабочей трущобе. Фильм был замечателен не только жестоким реализмом и не только тем, что это был первый фильм, открывавшийся легендарным логотипом «Ленфильма» — Медным всадником в перекрестье прожекторов, скорее блокадных, чем киношных. Перемножьте «Друзья и годы» на «Рабочий поселок» — и получится ретроэстетика Алексея Германа, ставшего последним олицетворением «Ленинградской школы».

ТАСС

Премьера фильма «Гамлет», 1964

ТАСС

Афиша фильма «Гамлет», 1965

Съемки фильма «Король Лир», 1969

Главным «часовых дел мастером» был Илья Авербах. В «Монолог» (1972) он считывал время героя — академика Срегенского (Михаил Глузский): выросли и становились чужими его дочь и внучка, и не старели лишь оловянные солдатики — его страсть и утешение. В «Объяснении в любви» (1978) — время страны: писатель Филиппок (Юрий Богатырев) проходил

вместе с ней и войну, и тюрьму, и коллективизацию, но так и не успевал решить главнейшую проблему мироздания: как быть, если ты любишь жену, а она тебя не любит. В «Голосе» (1982) — время самого кино. Умиравшая актриса Юля (Наталья Сайко) сбегала на озвучание из больницы, чтобы, если повезет, умереть на работе. А царственный, нервный, населенный

«ПЕТРОГРАДСКИЙ КИНОКОМИТЕТ

при Наркомпросе», «Киносев», «Севзапкино», «Ленинградкино», «Совкино», «Росфильм», «Союзфильм», наконец «Ленфильм». Менялись имена, но оставалось неизменным нечто магическое, витавшее в стенах студии